

Ван Шэн прятался на задворках владений Клана Ван. Ожоги на его лице с каждой минутой болели всё невыносимее.

Спустя полчаса на правой щеке, где кожа пострадала сильнее всего, образовалась угольно-черная корка, поверхность которой пошла неровными язвами. А по краям щеки, переходя на левую сторону лица и лоб, где ожоги были не столь глубокими, вздулись многочисленные волдыри.

Постоянная боль сменилась нестерпимым зудом. Ван Шэн, мучимый невыносимым желанием облегчить страдания, невольно коснулся лица и случайно содрал несколько волдырей — густая сукровица тут же залила ему всё лицо.

Ближе к рассвету Ван Шэн слышал шум у подножия горы: это были дружинники Клана Чэнь, пришедшие с подкреплением для прочесывания местности.

Он прекрасно знал эти места. В детстве он часто лазил здесь по деревьям, разорял птичьи гнезда и ловил рыбу в ручьях вместе с братьями, поэтому, выбрав знакомую тропку, он тайком спустился с горы и затерялся среди городских улиц.

В городе на каждом шагу были расклеены приказы Клана Чэнь о его поимке, и на каждом из них красовался его портрет.

Ван Шэн старался не смотреть по сторонам, опасаясь привлечь внимание. С замирающим сердцем он добрался до глухого уголка, где стояло несколько домов и протекал небольшой ручей. Через него был перекинут ветхий деревянный мостик, под которым Ван Шэн ловко спрятался в нише.

Просидев в сыром и темном подмостовом пространстве около двух часов, он слышал, как люди Клана Чэнь перешли мост. Они начали стучаться в дома у ручья, заявляя, что ищут беглого преступника, и тщательно обыскиали каждое жилище.

Разумеется, найти Ван Шэна им не удалось. Тогда они оставили жильцам листовки с приказом о розыске и объявили:

— Если увидите человека, изображенного на этом листе, немедленно сообщайте в наш особняк. За достоверные сведения получите щедрую награду.

Услышав, как стражники удаляются в сторону, Ван Шэн наконец выдохнул.

Он просидел под мостом до глубокой ночи, дождавшись, пока всё вокруг стихнет, и лишь тогда осторожно выбрался наружу.

Ван Шэн не ел уже сутки. Он перелез через забор в чей-то дворик у самой реки. Там сушилась вяленая рыба — он украл одну, спрятав за пазуху. Заметив развешанную одежду, он выбрал

самую старую и заплатанную, прихватил её с собой и ловко перемахнул обратно через стену.

Вернувшись в свое укрытие, он, с трудом изгибаясь в тесном пространстве, переоделся в лохмотья, избавившись от своих дорогих шелковых одежд.

Затем он принялся грызть украшенную рыбу. Приготовить её было негде, приходилось есть сырой — соленая, с резким запахом, она была отвратительна на вкус, но Ван Шэн заставлял себя жевать.

Оставшуюся рыбу он завернул в свои шелковые одежды, а затем, достав шкатулку с Пилюлей Зарождающейся Души, погрузился в глубокие раздумья. Он вспомнил тайну, открытую ему дедом, и историю появления этой пилюли.

Всё случилось в вечер дня рождения деда. Проводив последнего гостя, Ван Чаннань поспешил в задний двор, где Ван Шэн практиковался в искусстве владения копьем. Большинство совершенствующихся предпочитали мечи, но Ван Шэн с малых лет полюбил копье.

Его движения были широкими и размашистыми, прямыми и четкими — в них чувствовался характер юного героя, прямолинейного и непоколебимого. В каждом приеме отражалась его натура: твердая, но лишенная гибкости.

Увидев деда, Ван Шэн тут же убрал копье, подошел и, сложив руки в приветственном жесте, произнес:

— Дедушка.

Ван Чаннань с теплотой в голосе ответил:

— Хорошо, очень хорошо. Вижу, ты уже научился концентрировать духовную энергию на острие копья. Похоже, за последнее время ты сделал огромный шаг вперед!

Ван Шэн застенчиво улыбнулся, почесав затылок:

— Это всё благодаря вашему наставлению.

Он с сомнением добавил:

— Дедушка, я вижу, что многие совершенствующиеся вообще не занимаются внешними боевыми искусствами. Им достаточно впитывать энергию неба и земли в свои меридианы и море сознания. Почему вы всё время заставляете меня упражняться с копьем? Разве такие техники не удел простых людей, не способных к совершенствованию?

Ван Чаннань кивнул:

— Когда мы, совершенствующиеся, достигаем стадии Золотого Ядра и сферы Зарождающейся

Души, мы действительно можем использовать духовную энергию для защиты или атаки одним лишь движением руки. Но я всегда считал, что в битве с сильным противником запас энергии рано или поздно истощается. Если же ты владеешь внешними приемами, то сможешь сочетать их с духовной силой. Во-первых, это экономит энергию, а во-вторых, в бою твои движения станут более гибкими, непредсказуемыми и позволят застать врага врасплох.

Ван Шэн кивнул:

— Вы правы, дедушка. Я был слишком близорук. Спасибо за наставление.

Ван Чаннань погладил свою белоснежную бороду и одобрительно улыбнулся.

— Дедушка, — спросил Ван Шэн, глядя на его бороду, — совершенствующиеся сферы Зарождающейся Души могут возвращать себе прежний облик. Почему вы не хотите омолодиться?

Ван Чаннань рассмеялся:

— Не хочу выглядеть моложе собственного сына.

Ван Шэн представил эту картину и тоже не сдержал улыбки. Помолчав немного, дед сказал:

— Шэн-эр, пойдем в кабинет. Мне нужно сказать тебе кое-что важное.

Он направился в кабинет, и Ван Шэн последовал за ним. Войдя, дед закрыл окна и двери, сел в позу лотоса и начал вращать энергию. Вскоре его тело окутало яркое алое сияние, на лбу выступил пот, а лицо исказилось от боли.

Ван Шэн испугался: обычно при медитации дед не излучал такого света и не испытывал подобных мучений.

— Дедушка! Что с вами? — встревоженно воскликнул он.

Спустя мгновение алое свечение, исходившее от тела Ван Чаннаня, сконцентрировалось в кроваво-красную, сияющую жемчужину. Боль, казалось, отступила, и он осторожно подхватил её рукой.

Под озадаченным взглядом внука Ван Чаннань медленно произнес:

— Шэн-эр, это Пилюля Зарождающейся Души, величайшее сокровище нашего клана.

Его взгляд, обращенный на пилюлю, был полон нежности.

— Это пилюля моего отца. Лишь немногие из тех, кто достигает Великого Совершенства Зарождающейся Души, могут сформировать такую жемчужину. Мой отец был одним из них. К несчастью, он не прошел Небесную кару Тунсянь на Реке Тунсянь, был сражен молнией и упал

в воды реки.

Даже спустя столько лет при упоминании отца у него на глазах выступили слезы. Он торжественно вложил пилюлю в руки Ван Шэна. Тот опустил взгляд на сияющий артефакт.

Успокоившись, Ван Чаннань продолжил:

— Ты уже достиг Закладки Основания. Сегодня я передаю её тебе. Твой талант намного превосходит мой, а с помощью этой пилюли ты наверняка превзойдешь и меня, и моего отца. Ты сможешь вывести наш Клан Ван на новую высоту.

Голос его дрожал от волнения, он закашлялся. Ван Шэн поспешил помочь деду перевести дыхание:

— Не волнуйтесь, дедушка, я сделаю всё, чтобы оправдать ваши ожидания.

Старик одобрительно кивнул:

— Это величайшая тайна нашего клана. Ни твой отец, ни твой дядя Тан о ней не знают, и ты никому не рассказывай.

Убедившись, что внук понял его, он добавил:

— Когда моего отца сразила молния, все думали, что он погиб. Мы искали его вдоль реки целый день, но ничего не нашли. Кто бы мог подумать, что глубокой ночью он сам проберется в мою комнату. Я до сих пор помню тот облик: всё тело в рваных ранах, обожженное молнией, изъеденное водами реки... Не могу поверить, что он выжил после таких ран...

Голос деда сорвался, и слезы покатались по его щекам.

— Собрав последние остатки сил, отец на моих глазах сконцентрировал свою духовную энергию в эту пилюлю и наказал мне: никому не говорить, что он вернулся. Я достиг Закладки Основания лишь после тридцати, а остальные мои братья и сестры и вовсе не имели шансов. Если бы эта тайна раскрылась, злодеи тут же набросились бы на нас, а наш клан был тогда беззащитен. Отец приказал мне тайно похоронить его тело в бамбуковой роще у беседки на заднем дворе. Я исполнил его волю и никому не проронил ни слова.

Вот почему Ван Шэн оказался в той роще, когда Су Пэй устроил резню в Клане Ван.

Ван Чаннань сжал руку внука:

— Обещай мне, Шэн-эр, что сохранишь эту тайну.

— Обещаю, дедушка, я никому не скажу.

Ван Чаннань удовлетворенно кивнул. В его глазах читались гордость, любовь и глубокая

печаль.

— Береги её. Через несколько дней, когда я немного восстановлюсь, я помогу тебе интегрировать пилюлю в твоё море сознания, чтобы она помогала тебе в совершенствовании.

Но никто из них не знал, что в ту же ночь Су Пэй вместе с мастерами из Кланов Су и Чэнь уничтожит весь Клан Ван.

Ван Шэн сжал пилюлю в руке. Перед глазами стояли картины расправы, холодное тело матери... Слезы хлынули из глаз, и от соленой влаги ожоги на лице разболелись ещё сильнее.

Голова начала раскалываться, тело затряслось в конвульсиях.

Сдавленно простонав, он спрятал пилюлю за пазуху, сел в позу лотоса и начал медитировать. Он хотел очистить разум, вытеснить из него эти ужасные воспоминания, иначе он не выдержит и сойдет с ума.

Ван Шэн понимал: если он сломается, некому будет отомстить за всех невинно погибших. Он не сомкнул глаз и практиковал до самого рассвета.

<http://bllate.org/book/18848/1837500>